

Вот куда я хотела прийти, — с улыбкой произнесла Чжао Цзянсюэ. Прислонившись к рулю, она подалась вперед и взгляделась в лобовое стекло.

С тех пор как два года назад здесь произошло убийство, в эту двухэтажную виллу никто не заглядывал. Чжао Цзянсюэ приезжала сюда каждый год, наблюдая за тем, как здание постепенно ветшает, и с каждым годом мрак в ее душе становился всё гуще.

Вилла зияла чернотой окон, железную ограду овивали мертвые сухие плети растений, а кроны деревьев заслоняли небо — всё вокруг выглядело таким мрачным, будто это был дом с привидениями.

Нань Чуцин глубоко вздохнула, унимая бешено колотящееся сердце. Заговорив снова, она уже звучала как обычно: — Зачем ты сюда пришла?

— Мм? — Чжао Цзянсюэ растерялась, ее охватило подозрение.

Нань Чуцин была не из тех, кто лезет в чужую личную жизнь, и никогда ни о чем не расспрашивала. Чжао Цзянсюэ обернулась. Половина ее лица тонула в тени; глядя на Нань Чуцин, она спокойно бросила: — У меня тут кое-какие дела. Интересно, станет ли та допытываться дальше?

— Какие дела? — спросила Нань Чуцин. Изначально она не собиралась спрашивать, но сдержаться не смогла.

Сомнения в душе Чжао Цзянсюэ усилились. Человек в здравом уме никогда не станет без всякой причины переживать о посторонних вещах.

— Личные, — уклонилась от прямого ответа та.

Нань Чуцин опустила взгляд, ее лицо омрачилось — она о чем-то размышляла. И когда Чжао Цзянсюэ уже решила, что расспросов больше не будет, Нань Чуцин заговорила вновь:

— Какая у тебя связь с той убитой девушкой?

Мозг Чжао Цзянсюэ словно ударили палкой — в голове шумно зазвенело, и на секунду всё опустело. Мгновение спустя к ней вернулось самообладание; в упор глядя на собеседницу, она тихо спросила: — Босс, неужели вас интересуют подобные вещи?

— Меня такое не интересует, просто... — Нань Чуцин замолчала на несколько секунд, словно принимая какое-то решение, затем подняла глаза на Чжао Цзянсюэ, и ее взгляд был абсолютно чист и открыт. — Эта девушка была любовницей моего третьего дяди.

Ее голос звучал чисто и тонко, обладая прозрачной пробивной силой — словно брошенный камешек в тихий водоем, он заставил сердце Чжао Цзянсюэ забиться чаще.

Чжао Цзянсюэ остолбенела, и прежде чем она успела прийти в себя, Нань Чуцин продолжила: — Когда она погибла, полиция подозревала моего третьего дядю, но улики не нашли, и дело в итоге замяли. Она умолкла, прямо выдержав пронзительный взгляд Чжао Цзянсюэ — открыто и бесхитростно, словно говоря: я абсолютно чиста.

Чжао Цзянсюэ долго всматривалась в нее, отчетливо понимая: этот человек уж точно не может быть убийцей.

— Я никак не связана с той женщиной, просто приехала взглянуть, — произнесла Чжао Цзянсюэ с не меньшей откровенностью. — Разве в новостях тогда не говорили про две жизни за три смерти? Беременная девятимесячная студентка и только что заступивший на службу полицейский. Тот коп ведь тоже совсем недавно выпустился: говорят, он возвращался домой под утро и столкнулся с убийцей, а когда попытался его скрутить, случайно напоролся на нож, угодивший прямо в аорту, и скончался на месте.

Она намеренно говорила много, исподтишка наблюдая за Нань Чуцин.

— Да, было такое, — Нань Чуцин слегка перевела дыхание. Главное, чтобы эта девушка не приходилась кем-то той студентке.

— Тот полицейский — мой младший соученик, — выпалила Чжао Цзянсюэ. Заметив, что Нань Чуцин замерла, приоткрыв рот и растерянно соображая, что сказать, она почувствовала душевное облегчение и улыбнулась ей. В ее глазах искрился свет — на душе было легко, ни следа ненависти, и понять, что же на самом деле у нее на уме, было абсолютно невозможно.

Однако от этого взгляда у Нань Чуцин больно сжалось сердце. Она ощутила смутную тревогу, хотя и не могла объяснить почему.

Лишь позже она поняла: когда человеку уже нечего бояться, он ведет себя именно так — она давным-давно была ежесекундно готова отдать за это свою жизнь.

— Значит, ты... — пришла расследовать дело? Преследовать убийцу? Или думала, что преступник может вернуться на место преступления?

Нань Чуцин внезапно осенило: ведь сегодня как раз годовщина того убийства.

— Нет, вовсе нет, — Чжао Цзянсюэ мгновенно уловила ее мысль и мягко утешила, пояснив: — Учитель не разрешает мне вмешиваться в это дело.

— Значит, ты сдалась?

— Я жду, — произнесла Чжао Цзянсюэ эти три слова, после чего отвернулась и снова уставилась на виллу.

Чего она ждет? Нань Чуцин хотела спросить, но слова застряли в горле. Она боялась услышать в ответ: дня, когда убийца снова объявится, но еще больше боялась, что тем, кто появится в тот день, окажется ее третий дядя.

В машине воцарилась тишина. Печка нагоняла тягостный дурман, Нань Чуцин охватили беспокойство и тревога. Она опустила стекло, и ворвавшийся внутрь холодный ветер немного отрезвил ее рассудок.

Дела третьего дяди вообще-то не имели к ней особого отношения. Тогда в семье разразился страшный скандал, третья тетя чуть с ним не развелась, и в конце концов ситуацию разрушила только бабушка.

Третий дядя клялся, что больше никогда не изменит, а обвинения полиции встретил с праведным гневом, утверждая, что копы возводят на него навет, и грозясь подать на них жалобу. Однако предоставить алиби на тот момент он не мог, но и полиция не располагала доказательствами его вины. Противостояние длилось почти месяц, но в итоге дядя так и не подал жалобу на участок, а полиция не смогла забрать его за решетку.

В тот период из-за этой истории акции компании рухнули, и Нань Чуцин пахала день и ночь, чтобы вытащить фирму из кризиса. После этого инцидента третьего дядю окончательно отстранили от реальной власти, и теперь он, как и отец Нань Чуцин, занимал лишь чисто номинальную должность.

Нань Чуцин знала о случившемся не так уж много — лишь то, что писали в газетах. Раз уж все домашние верили, что третий дядя никого не убивал, она решила больше об этом не думать.

В прошлые времена она ни за что бы не стала так нервничать. Более того, узнав о связи Чжао Цзянсюэ с этим делом, она должна была незамедлительно уволить ее, а не тревожиться и переживать, опасаясь, что из-за всего этого между ними возникнет разлад — особенно учитывая, что они знакомы и четырех месяцев не прошло.

Нань Чуцин в очередной раз убедилась: Чжао Цзянсюэ — особенная.

Долго колеблясь, Нань Чуцин наконец произнесла: — Хочешь... зайти внутрь посмотреть?

Чжао Цзянсюэ замерла, не веря собственным ушам, и ошеломленно обернулась на нее. — Не стоит, это же незаконное проникновение в жилище.

Трудно было представить, что фраза о незаконном проникновении может слететь с губ самой Нань Чуцин.

Конечно, Чжао Цзянсюэ заблуждалась — разве могла Нань Чуцин совершить что-то незаконное?

Та вздохнула и уныло пояснила: — Эту виллу никак не могут продать. Третья тетя терпеть ее не может, третий дядя тоже не хочет с ней связываться, и никто из родни брать ее не пожелал. В конце концов она досталась мне, и теперь хозяйка здесь я.

— Э-э, босс, так вы в убытке?

Нань Чуцин бросила на нее недоверчивый взгляд и спросила: — Хочешь пойти?

— Можно?

— Почему нет. Если, конечно, тебе не страшно.

— Мне не страшно. — Чжао Цзянсюэ повернула голову. Сама Нань Чуцин тоже не производила впечатление человека, боящегося призраков, хотя, пожалуй, из-за своего вечно холодного и отстраненного вида было трудно понять, испытывает ли страх или нет.

Чжао Цзянсюэ так и подмывало сказать: босс, если боитесь, я могу нарисовать вам защитный талисман.

Но промолчала.

Обе вышли из машины. Калитка не была заперта — никто в здравом уме не захотел бы заявиться в дом, где произошло убийство, так что запирать ворота не имело смысла. Приоткрыв калитку, они увидели во дворе толстый слой перегнойной земли, а в лунном свете сухая трава казалась еще более унылой и безжизненной. Посреди двора росло огромное дерево, затенявшее половину усадьбы; теперь же, стоявшее с голыми ветвями, оно напоминало раскинувшее лапы чудовище, готовое схватить жертву.

Чжао Цзянсюэ слышала от учителя, что в местах с сильной злобой и обидой деревья обычно засыхают.

Парадная дверь виллы была приоткрыта, сбоку виднелась щель. Заглянув в нее, они увидели кромешную тьму — зрелище не для слабонервных. В детстве Чжао Цзянсюэ немало потрудились с учителем на задних горах: порой работа затягивалась допоздна, и когда они возвращались домой по горным тропам, то изредка натыкались на могильные холмы. Тогда по спине тоже бежали мурашки — точно так же, как и сейчас.

Поднимаясь по ступеням, она обронила: — Босс, вы же знаете, что призраков на свете не бывает.

Нань Чуцин промолчала.

Стоило толкнуть дверь, как изнутри повеяло запахом пыли, сырой земли и едва уловимым душком гниения. Свет луны проникал сквозь окна, заливая прихожую тусклым сиянием, позволяя различить примерные очертания обстановки. В прихожей стояла обувная полка, едва переступив порог, можно было разглядеть диван и бытовую технику; слева находилась кухня, а справа вилась вверх винтовая лестница — всё обустроено уютно, как раз для семьи.

Вот только от бывшего уюта не осталось и следа. На стенах, диване и полу виднелись пятна крови, засыпанные слоем пыли. Брызги крови покрыла бледно-желтая пелена, а на полу не было ни единого следа — с тех пор, как ушла следственная группа, сюда больше никто не ступал.

Чжао Цзянсюэ не хотелось включать свет и заходить внутрь, как не хотелось и того, чтобы кто-либо узнал о ее визите сюда.

Нань Чуцин чувствовала то же самое. Ей не хотелось снова ворошить эту историю — это плохо сказывалось бы на компании.

Обе так и стояли на пороге, заглядывая вглубь. Брат Чжао Цзянсюэ был убит у входа на виллу. Это случилось среди ночи, когда здесь никто не ходил, но позже судебные медики заключили: даже если бы кто-то оказался рядом, спасти его вряд ли удалось бы. Ему перерезали сонную артерию одним ударом, кровь хлынула фонтаном, и всего за несколько секунд он потерял бы сознание от кровопотери, а затем умер — даже находясь в больнице, он не обязательно выжил бы.

Поэтому Чжао Цзянсюэ обычно лишь посматривала на это место с дороги. Она обещала учителю не лезть в расследование, а лишь приходить сюда раз в год, чтобы не забывать.

Но сегодня Нань Чуцин показала ей место преступления, и теперь каждый угол, каждый предмет и каждый след запечатлелись в ее памяти отчетливо, словно фотографии.

Она никогда неставляла свои таланты напоказ и всегда держалась в тени, но на деле была подлинным гением. Обладая феноменальной памятью, потрясающей исполнительностью и IQ выше 180.

Нань Чуцин на самом деле тоже смутно догадывалась об этом: та оказалась куда умнее, чем казалось. И хотя Чжао Цзянсюэ вечно пряталась за чужие спины и робела, реагировала она мгновенно, училась схватывать на лету, а за любую работу бралась с такой чистотой и аккуратностью, что это изумляло.

— Я не пойдем внутрь, босс, давайте уйдем, — повернувшись к Нань Чуцин, тихо произнесла Чжао Цзянсюэ. — Я знаю здесь одно местечко, где готовят потрясающую рыбную кашу, хотите зайти попробовать?

Нань Чуцин смотрела на нее так, словно пыталась прожечь взглядом насквозь, но выражение лица Чжао Цзянсюэ оставалось открытым и искренним, а в глазах по-прежнему горели огоньки — разгадать ее было невозможно.

Она кивнула.

Уходя со двора виллы, Чжао Цзянсюэ снова сказала Нань Чуцин: — Босс, на этом всё. Больше мы об этом не говорим и даже не вспоминаем. Она опасалась, что Нань Чуцин начнет накручивать себя, а там и до увольнения недалеко.

Нань Чуцин кивнула в ответ — ей тоже не хотелось больше возвращаться к этой теме.

С тех пор они действительно больше никогда не заходили об этом речь — вплоть до того дня, когда снова не убили беременную на девятом месяце женщину.

<http://bllate.org/book/22463/2363266>